

На правах рукописи

Смирнова Нина Сергеевна

**ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ИЗ
СОЦИАЛЬНО НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ**

19.00.13. – психология развития, акмеология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата психологических наук

Москва – 2008

Работа выполнена на кафедре клинической психологии

Московского городского психолого-педагогического университета

Научный руководитель: доктор психологических наук, профессор
Холмогорова Алла Борисовна

Официальные оппоненты:

Доктор психологических наук, руководитель Лаборатории психологии детского и подросткового возраста Отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних ФГУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию» **Дозорцева Елена Георгиевна**

Кандидат психологических наук, заведующая кафедрой детской и семейной психотерапии факультета Психологического консультирования Московского городского психолого-педагогического университета **Филиппова Елена Валентиновна**

Ведущее учреждение: **Институт коррекционной педагогики РАО**

Защита состоится 30 октября 2008 г. в _____ часов на заседании

диссертационного совета Д-850.013.01 при Московском городском психолого-педагогическом университете по адресу: г. Москва, ул. Сретенка, д.29

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского городского психолого-педагогического университета

Автореферат разослан «_____» _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.Ю. Кулагина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность данного исследования обусловлена значительным ростом числа детей из социально неблагополучных семей в современной России (Л.М.Шипицына, 2003). Практически все дети, проживающие в социально неблагополучных семьях, являются группой риска по социальному сиротству. На сегодняшний момент в России насчитывается 700 тысяч детей-сирот, из них 90% - это социальные сироты, то есть дети, родители которых не справляются со своими обязанностями. Численность детей-сирот и детей, лишившихся попечения родителей, в среднем увеличивается ежегодно на 13,2 тыс. человек, что составляет 1,8% (И.И.Осипова, 2005). Согласно официальным статистическим данным, Москва входит в тройку регионов-рекордсменов по количеству детей, оставшихся без попечения родителей. В последнее время отмечается значительный рост детской преступности среди детей из неблагополучных семей (И.И.Осипова, 2005; Н.В.Дворянчиков, 2007). К подростковому возрасту у ребенка, воспитывающегося в социально неблагополучной семье, формируется дефицит навыков социального поведения, необходимых для его успешной социальной адаптации (М.А.Гулина, 2002; И.А.Коробейников, 2002). Эти дети часто интегрируются в асоциальную среду (В.В.Москвичев, 2000; Н.Н.Юдинцева, 2001; Н.Р.Сидоров, 2004; М.Ю.Кондратьев, 2005).

Беспрецедентный рост числа детей из социально неблагополучных семей поставил задачу их социально-психологической реабилитации в ряд наиболее приоритетных проблем практической психологии (В.К.Зарецкий, М.О.Дубровская, В.Н.Ослон, А.Б.Холмогорова, 2002). Процесс социализации и развития личности этих детей характеризуется качественным своеобразием (А.М.Прихожан, Н.Н.Толстых, 1990; Н.А.Сирота, 1994; Т.В.Корнилова, С.Д.Смирнов, Е.Л.Григоренко, 2001; И.Ю.Кулагина, Л.Ф.Сенкевич, Л.В.Сенкевич, Г.И.Столярова, 2005). Разрабатываются комплексные подходы к изучению развития личности и реабилитации подростков с нарушениями поведения (Е.Г.Дозорцева, 2000, 2004, 2006; Д.С.Ошевский, 2006) и детей-сирот (В.Н.Ослон, А.Б.Холмогорова 2001; В.Н.Ослон, 2002).

Проведены многочисленные исследования влияния нарушенных ранних отношений ребенка с значимыми взрослыми на последующее развитие (М.И.Лисина, 1986; Н.Н.Авдеева, 1988; В.С.Мухина, 1991; Е.О.Смирнова, А.Е.Лагутина, 1991; Е.О.Смирнова, 1996; Р.Ж.Мухамедрахимов 1998; Й.Лангмейер, З.Матейчик, 1988; M.D.S.Ainsworth et al., 1974, 1978; J.Bowlby, 1969, 1973, 1980 и др.). Показаны специфические особенности нарушения общения у таких детей и связанные с этим изменения в интерперсональных отношениях (М.И.Лисина, Л.Н.Галигузова, 1980; С.Ю.Мещерякова, 1982; А.М.Прихожан, Н.Н.Толстых, 2005). В современной клинической психологии показано, что нарушения системы интерперсональных отношений ведут к дефициту социальной поддержки, что крайне негативно отражается на социальной адаптации, психическом и физическом здоровье (О.Ю.Казьмина, 1993; А.Б.Холмогорова, Н.Г.Гараян, Г.А.Петрова, 2003; Р.Д.Тукаев, 2003; А.Б.Холмогорова 2006; G.Caplan, 1974; G.Sommer, T.Fydrich, 1989; T.Brugha, 1995).

Развитие системы специальных учебно-воспитательных учреждений для детей с девиантным поведением и для детей-социальных сирот в нашей стране ставит задачу создания буферной системы связей для детей, лишенных естественной поддержки от собственной семьи. Вместе с тем, отмечается дефицит комплексных исследований различных аспектов интерперсональных отношений детей из неблагополучных семей.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования.

В данной работе впервые теоретически увязаны и в комплексе изучены различные аспекты интерперсональных отношений подростков, включая мотивацию общения, социальную сеть и социальную поддержку, объектные репрезентации значимых фигур. На основе комплексного исследования показана специфика интерперсональных отношений подростков из социально неблагополучных семей. Впервые соотнесены представления социальной психиатрии и клинической психологии о социальных связях и социальной поддержке с понятием социальной ситуации развития – одним из основных понятий отечественной возрастной психологии.

Практическая значимость исследования обусловлена высокой актуальностью проблемы создания системы социально-психологической помощи детям и подросткам из социально неблагополучных семей. Выделены психологические механизмы нарушения способности принимать и оказывать социальную поддержку подростками с девиантным поведением и подростками–социальными сиротами. Обоснованы мишени психологической помощи, которые необходимо учитывать специалистам, работающим с подростками из неблагополучных семей.

Цель: Комплексное исследование различных аспектов интерперсональных отношений подростков из неблагополучных семей.

Задачи:

1. Теоретико-методологический анализ представлений о влиянии интерперсональных отношений на психическое развитие ребенка в различных психологических школах и направлениях, а также теоретический анализ условий психосоциального развития детей из неблагополучных семей.
2. Сравнительное исследование различных аспектов интерперсональных отношений у двух групп подростков из неблагополучных семей (обучающихся в спецшколах и помещенных в приют), а также у подростков, воспитывающихся в родных социально благополучных семьях.
3. Исследование связи различных аспектов интерперсональных отношений с эмоциональными нарушениями у подростков.
4. Выделение мишеней психокоррекционной работы с подростками с девиантным поведением, воспитывающимися в неблагополучных семьях, и с подростками, проживающими в приютах.

Объект исследования. Интерперсональные отношения подростков из социально неблагополучных семей.

Предмет исследования. Различные аспекты системы интерперсональных отношений подростков из социально неблагополучных семей, их связь между собой и эмоциональными нарушениями.

Гипотезы исследования.

1. Мотивация общения в виде различных установок по отношению к людям у подростков, выросших в неблагополучных семьях, отличается от установок по отношению к общению у подростков, выросших в благополучных семьях.
2. Уровень воспринимаемой социальной поддержки у подростков из социально неблагополучных семей ниже по сравнению с таковым у подростков из социально благополучных семей. Социальные сети подростков из неблагополучных семей уже, то есть, представлены меньшим числом людей.
3. Представления о значимых фигурах у подростков из неблагополучных семей являются менее зрелыми и позитивными по сравнению с подростками из социально благополучных семей.
4. Существует связь между различными аспектами интерперсональных отношений (мотивация общения, социальная поддержка, социальная сеть, качество объектных репрезентаций), а также уровнем эмоционального благополучия у подростков из разных социальных групп.

Теоретико-методологические основания работы.

Методологической основой исследования являются: концепция социальной поддержки как важнейшего фактора психического благополучия (А.Б.Холмогорова, Н.Г.Гаранян, Г.А.Петрова, 2003; G.Caplan, 1974; G.Sommer, T.Fydrich, 1989; T.Brugha, 1995); теория привязанности Д.Боулби (J.Bowlby, 1973,1980), которая подчеркивает значение ранних взаимоотношений ребенка с близким взрослым в развитии способности устанавливать в дальнейшем поддерживающие отношения; культурно-историческая теория развития психики (Л.С.Выготский, 1984), придающая особую роль социальной ситуации развития в становлении личности.

Характеристика обследованных групп.

В исследовании приняли участие две экспериментальные группы подростков, имеющих опыт проживания в семьях с разной степенью социального неблагополучия.

Экспериментальная группа №1 - подростки 14-16 лет с девиантным поведением, проживающие в социально неблагополучных семьях и

обучающиеся в школе для детей с девиантным поведением (67 человек, из них 47 мальчиков и 20 девочек). Условное название группы в дальнейшем – «специальная школа».

Экспериментальная группа №2 – подростки 14-16 лет, покинувшие свои семьи и проживающие в приютах (74 человека, из них 42 мальчика и 32 девочки). У части из них родители уже лишены родительских прав (30% детей), у остальных – вопрос о лишении родительских прав поставлен, но пока юридически не решен (70% детей). Условное название группы – «приют».

Контрольная группа – подростки 14-16 лет, учащиеся массовых общеобразовательных школ г. Москвы. Все подростки этой группы воспитываются в родных социально благополучных семьях (60 человек, из них 41 мальчик и 19 девочек). Условное название группы – «массовая школа».

Всего в исследовании принял участие 201 подросток.

Характеристика методического комплекса.

В работе были использованы следующие **методики**:

1. Для исследования *мотивации общения* был использован тест-опросник измерения мотива аффиляции А.Мехрабиана в модификации М.Ш. Магомед-Эминова (А.А.Карелин, 2002).
2. Для исследования *уровня воспринимаемой социальной поддержки* у подростков был использован опросник социальной поддержки F-SOZU-22 (G.Sommer, T.Fydrich, 1989).
3. Для исследования *системы реальных социальных связей* каждого подростка или его *социальной сети* был использован рисунок Социальной сети (О.Ю.Казьмина, 1993).
4. Для исследования *образа близкого человека и дружеских отношений* использовалось сочинение «Мой лучший друг».
5. Для изучения *представлений подростков о родителях* был использован модифицированный вариант методики измерения разрыва объектных репрезентаций (РОР), разработанной Е.В.Полкуновой, А.Б.Холмогоровой (2004).

6. Для исследования *выраженности эмоционального неблагополучия* был использован опросник депрессии М. Kovacs (1994) (адаптация и валидизация опросника осуществлена в лаборатории клинической психологии и психотерапии Московского НИИ психиатрии).

7. Для исследования *коммуникативных трудностей подростков с девиантным поведением* во взаимодействии с взрослым использовалась специально разработанная анкета для учителей «Феноменология интерперсональных отношений», разработанная Н.С.Смирновой, А.Б.Холмогоровой.

Достоверность результатов обеспечивается необходимым для статистического анализа объемом обследованных выборок; применением комплекса методик, включающего опросники, анкеты, сочинения, рисунки, что позволяет верифицировать результаты, полученные по отдельным методикам; использование методик, прошедших процедуры валидизации; обработкой полученных данных с помощью методов математической статистики: для статистического сравнения групп использовался критерий Манна-Уитни для независимых выборок (пакет статистических программ SPSS for Windows, Standard Version 13, Copyright © SPSS Inc.,2005). Для установления корреляционных связей использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Положения, выносимые на защиту:

1. Мотивация общения у подростков из социально неблагополучных семей характеризуется низкой степенью доверия к людям и выраженным страхом отвержения.
2. Социальная поддержка и социальная сеть у подростков из социально благополучных и социально неблагополучных семей различаются как качественно, так и количественно. У подростков-социальных сирот, проживающих в приютах, уже социальная сеть и ниже уровень социальной поддержки, прежде всего, уровень социальной интеграции и удовлетворенности социальной поддержкой, при этом подростки воспринимают утраченную семью как основной источник поддержки. У подростков с девиантным (асоциальным) поведением из специальных школ уже социальная сеть и ниже уровень удовлетворенности социальной поддержкой,

при этом основу их социальной сети составляет криминальная среда, которая воспринимается подростками как основной источник социальной поддержки.

3. Репрезентации значимых фигур у подростков из неблагополучных семей отличаются большой противоречивостью, амбивалентностью, недифференцированностью, а также большими разрывами между идеальными и реальными образами по сравнению с подростками из благополучных семей.

4. Существует связь между различными аспектами интерперсональных отношений и эмоциональным благополучием у подростков разных групп: низкий уровень воспринимаемой социальной поддержки связан с преобладанием мотивации отвержения, негативными образами матери и отца, негативной самооценкой.

Апробация работы осуществлялась в Московском городском психолого-педагогическом университете на заседаниях кафедры клинической психологии факультета Психологического консультирования (2007-2008).

Основные положения и результаты работы докладывались на межвузовских научно-практических конференциях «Молодые ученые – московскому образованию» (Москва, 2006-2007) и на международной научно-практической конференции «Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе» (Москва, 2007).

Результаты исследования внедрены в практику работы психологической службы специальной школы №9 г. Москвы для детей и подростков с девиантным поведением. На основе полученных результатов составляются программы психологической помощи учащимся и сотрудникам учреждений.

Структура и объем работы

Работа изложена на 196 страницах машинописного текста, состоит из введения, пяти глав, выводов, списка литературы, включающего 168 наименований, и приложения. Работа содержит 2 схемы, 5 диаграмм и 25 таблиц в основной части.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность, научная новизна, практическая значимость, изложены цель, задачи, гипотезы, методы исследования, указаны группы испытуемых, представлены положения, выносимые на защиту.

В **первой части** работы отражены теоретические и эмпирические исследования роли интерперсональных отношений для психического развития. Проанализирована социальная ситуация развития детей из неблагополучных семей, имеющих опыт воспитания в приютах и обучающихся в специальных образовательных учреждениях для детей и подростков с девиантным поведением.

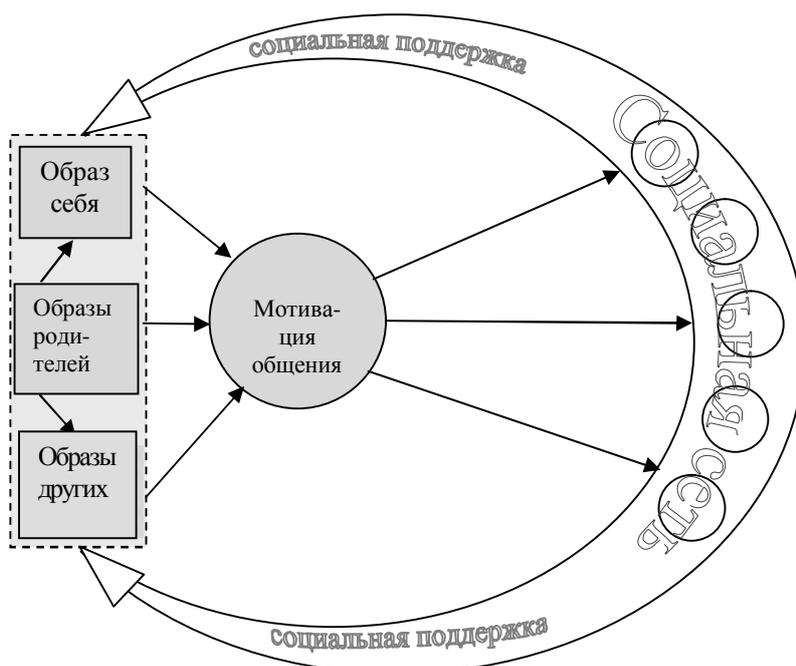
В **первой** главе проведен анализ представлений об интерперсональных отношениях в различных подходах как западной (психодинамический, когнитивный, гуманистический, системная семейная психотерапия, концепция социальной поддержки), так и отечественной психологии.

Анализ показал, что в разных подходах выделяются различные аспекты интерперсональных отношений. Так, интерперсональные отношения анализируются как внутриспсихические образы себя и значимых других в теории объектных отношений (объектные репрезентации), американской школе интерперсональных отношений (персонификации), теории привязанности Д.Боулби (рабочая модель), в рамках гуманистического подхода К.Роджерса (Я-концепция). В когнитивной теории мотивации Г.А.Мюррея, А.Меграбяна, Х.Хекхаузена интерперсональные отношения рассматриваются в аспекте мотивации общения в виде установок принятия или отвержения в общении. В рамках семейной системной психотерапии главное внимание сосредотачивается на паттернах семейного взаимодействия. В концепции социальной поддержки и социальных сетей (О.Ю.Казьмина, 1993; А.Б.Холмогорова, Н.Г.Гаранян, Г.А.Петрова, 2003; Р.Д.Тукаев, 2003; А.Б.Холмогорова 2006; G.Caplan, 1974, G.Sommer, T.Fydrich, 1989; T.Brugha, 1995) исследуется поддерживающая роль актуальных связей и качества социальной поддержки в виде инструментальной, эмоциональной, социальной интеграции, чувства удовлетворенности качеством отношений.

В рамках теории Д.Боулби и концепции социальной поддержки поднимается вопрос о связи ранних отношений с последующей способностью человека устанавливать доверительные и поддерживающие отношения, и показано, что эта связь неоднозначна и опосредована внутриспсихическими репрезентациями и качеством вторичных привязанностей, в том числе дружеских (M.Rutter et al., 1975; K.A.Dodge, 1980; R.A.Thompson et al., 1982; D.B.Kandel, M.Davies, 1986; A.Skolnick, 1986; T.Harris et al., 1986, 1991; K.E.Grossmann, K.Grossmann, 1991; L.A.Champion et al., 1995).

Далее проводится анализ эмпирических исследований, которые показывают влияние сформированных родительских репрезентаций на уровень эмоционального благополучия ребенка (О.Г.Калина, 2007), опыта проживания в неблагополучной семье на формирование образа родителей (Г.М.Милорадова, 2007), образа мира (Т.В.Корнилова, 2001), образа себя (Е.В.Туманова, Е.В.Филиппова, 2007). Приводятся исследования роли дружеских отношений в подростковом возрасте, исследования коппинг-стратегий, в том числе, стратегии обращения за помощью подростков с девиантным поведением в трудных ситуациях (Н.А.Сирота, 1994; И.А.Горьковая, 1998; Н.С.Видерман, 2007).

Проведенный теоретический анализ позволил представить различные аспекты интерперсональных отношений и их взаимосвязи в виде схемы (рис. 1).

В схеме отражена взаимосвязь внутриспсихических структур в виде образов себя, родителей и других людей (интрапсихические аспекты), связей с другими людьми в виде социальной сети и социальной поддержки как ее функции (интерпсихический аспект) и мотивации общения (динамический аспект).

Рис. 1. Связь интрапсихических, интерпсихических и динамических аспектов интерперсональных

Вторая глава посвящена анализу социальной ситуации развития (Л.С.Выготский, 1984) подростков из неблагополучных семей. Эти дети проживают в условиях социальной депривации и дисфункционального семейного взаимодействия, родительская семья характеризуется крайней степенью нарушения социального функционирования, ее нормы и ценности не совпадают с общественными (Н.Р.Сидоров, 2004; И.И.Осипова, 2005; В.М.Целуйко, 2006; Н.А.Кобзева, 2007; С.Ю.Успенская, В.Н.Баклашева, 2007). В школе симптомы социальной дезадаптации у детей из неблагополучных семей усиливаются (И.А.Коробейников, 2002). Специальные школы, как институт вторичной социализации, потенциально имеют возможность корригировать процесс социализации подростков, в результате установления таких отношений между ребенком и взрослым, при которых возможна рефлексия своих позиций и реализация субъектного отношения к своей деятельности (Н.Р.Сидоров, 2004, В.К.Зарецкий, 2008). Основная задача приютов – это реабилитация детей, изъятых из семьи. Выполнение этой задачи зависит от возможности установить отношения доверия после разрыва связи с близкими людьми и в изоляции от прежних социальных связей (С.М.Кульянов и др., 2004).

Представлены исследования психосоциального развития подростков из неблагополучных семей с девиантным поведением и детей-сирот (Н.М.Евлашкина, 2007; Е.Г.Дозорцева, 2000, 2004; Д.С.Ошевский, 2006; Н.С.Видерман, 2007; М.А.Чупрова, 2007). Показано, что комплексных исследований интерперсональных отношений у подростков из неблагополучных семей с девиантным поведением и у подростков-социальных сирот, проживающих в приюте, до сих пор не проводилось.

Во **второй** части работы приводятся результаты комплексного исследования различных аспектов интерперсональных отношений подростков из неблагополучных семей. В **третьей** главе представлены гипотезы, описаны организация и методы исследования, приведены социодемографические характеристики испытуемых и результаты анализа социально-

психологического статуса родительских семей трех групп подростков, описана процедура исследования.

В четвертой главе представлены результаты исследования мотивации общения, а также системы социальной поддержки и социальной сети у подростков из социально неблагополучных семей.

Таблица 1. Показатели мотивации общения и уровня социальной поддержки у подростков из группы «специальная школа», подростков из группы «приют», подростков из группы «массовая школа» (опросники: Тест-опросник измерения мотива аффиляции, опросник социальной поддержки F-SOZU-22)

Шкалы опросников	Группы детей	«Специальная школа» (N=67) M (SD)	«Приют» N=30 M (SD)	«Массовая школа» (N=60) M (SD)
Стремление к принятию		129,6 (18,5) a	127,9 (18)c	136 (23,7) ac
Страх отвержения		124,8(21) b	131 (18,7) d	110,8 (18,5) bd
Инструментальная поддержка		15,5 (3,6)	16,2 (6,3)	16,4 (2,6)
Эмоциональная поддержка		38,5 (6)	35,2 (9,27)	37,5 (6,5)
Социальная интеграция		27,8 (4,5) e	25 (5) de	28,6 (4,1) d
Удовлетворенность соц.поддержкой		5,3 (2,5) b	5 (1,77) d	6,8 (1,85) bd
Суммарный показатель соц. поддержки		87,2 (11,4)	81,6 (15,2)c	89,3 (11)c

a- различия между подростками «специальная школа» и «массовая школа» $p < 0,05$ (Критерий Манна-Уитни)

b- различия между подростками «специальная школа» и «массовая школа» $p < 0,001$ (Критерий Манна-Уитни)

c- различия между подростками «приют» и «массовая школа» $p < 0,05$ (Критерий Манна-Уитни)

d- различия между подростками «приют» и «массовая школа» $p < 0,001$ (Критерий Манна-Уитни)

e- различия между подростками «специальная школа» и «приют» $p < 0,05$ (Критерий Манна-Уитни)

M – среднее значение

SD – стандартное отклонение

Как видно из таблицы 1, группу «специальная школа» и группу «приют» отличают от контрольной группы значимо более низкие показатели по стремлению к принятию, и значимо более высокие показатели по страху отвержения. Такая структура мотивации общения говорит о том, что у подростков из неблагополучных семей предшествующий опыт отношений привязанности сформировал ожидание неуспеха в установлении отношений принятия (Х.Хекхаузен,1986), что они не стремятся к расширению круга общения, выходу за пределы своего микросоциума, для них характерно поведение избегания в социальных контактах.

Были также выявлены особенности восприятия социальной поддержки подростками из социально неблагополучных семей. Если у подростков-социальных сирот имеет место общее снижение показателей социальной поддержки, то у подростков с девиантным поведением из специальных школ

результаты более противоречивы – они отличаются от группы «массовая школа» существенным снижением показателя «удовлетворенность социальной поддержкой». То есть, дети с девиантным поведением оценивают оказываемую им социальную поддержку так же высоко, как дети из социально благополучных семей, но остаются ею не удовлетворены. Приведенные ниже данные о суженных размерах и качественной дефицитности социальной сети этих подростков позволяют трактовать высокие показатели воспринимаемой социальной поддержки у этой группы как носящие защитный характер.

Из таблицы 1 видно, что группа подростков-социальных сирот, проживающих в приютах, статистически значимо отличается более низкими показателями социальной интеграции как от детей из социально благополучных семей, так и от подростков с девиантным поведением из специальных школ. Для верификации результатов, полученных по опроснику социальной поддержки, а также для объяснения противоречивых результатов в группе «спецшкола» был проведен анализ социальных сетей подростков из разных социальных групп.

Анализ показал сужение социальной сети подростков из группы «специальная школа». У них отмечается значимо меньшее общее количество людей в рисунках своей социальной сети (в среднем около 9 человек) по сравнению со сверстниками из «массовых школ» (в среднем около 16 человек), кроме того, у них выявлена тенденция к снижению числа родственников в социальной сети. Выявлен дефицит межличностных отношений с разным уровнем эмоциональной близости и поддержки, то есть отмечается заполнение ядра сети или периферии, тогда как у подростков из «массовой школы» более равномерное распределение фигур в рисунках социальных сетей. Анализ соотношения фигур родителей и фигур сверстников в рисунках социальной сети показал, что подростки из «спецшколы» отмечают более близкие отношения со сверстниками, а с родителями устанавливают большую эмоциональную дистанцию в отношениях, выявлено, что 22% из этих подростков выносят фигуру родителей на периферию рисунка. Подростки из «массовых школ» в большинстве случаев ближе к себе располагают родителей.

Среди взрослых в рисунках социальных сетей подростки из «массовых школ» часто отмечают учителей и родственников, тогда как подростки из «спецшколы» делают это крайне редко. Выявлено, что отношения с братьями и сестрами у подростков из «массовых школ» более близкие, чем у их сверстников из «спецшколы». Было выявлено, что подростки из «спецшколы» получают основную социальную поддержку за счет интеграции в круг сверстников из уличной криминальной среды, тогда как учащиеся «массовых школ» в качестве референтных групп указывали одноклассников, друзей из секций, из Интернета.

Таким образом, подростки из «массовых школ» интегрированы в разные поддерживающие отношения с различной степенью эмоциональной близости (в том числе и с разными взрослыми: родственниками, учителями), а подростки из «спецшколы» интегрируются в компании сверстников с криминальной направленностью. Негативное отношение к школе и отсутствие доверительных отношений с родителями блокируют получение поддержки из этих важных источников, что снижает качество и общий уровень удовлетворенности социальной поддержкой подростками из «спецшколы».

Социальная сеть подростков из группы «приют» характеризуется узостью и дефицитом отношений различной степени близости, в основном она состоит из ядра. Несмотря на крайнюю степень дисфункции семьи, а также отсутствие контактов с родителями, эти подростки отмечают отношения с ними как эмоционально близкие и поддерживающие (в 31% случаев). Отношения со сверстниками в два раза реже, чем с родителями отмечаются подростками как доверительные и поддерживающие. Установлено, что довольно часто близко к себе располагаются сестры и братья (18% случаев). Социальная сеть подростков из «приютов» обеднена связями с членами различных социальных институтов, в том числе, редко встречаются упоминания об одноклассниках. Можно предположить, что подростки изображают в некоторой степени «идеализированную» социальную сеть, а не реальную и это отражается, например, в попытках подростков изобразить фигуру отца в рисунке сети, который в большинстве случаев не присутствует в их реальной жизни.

Отсутствие реальной поддержки со стороны родителей позволяет предположить, что подростки, приближая родительские фигуры в рисунке к центру, обозначают, таким образом, свое желание более близких с ними отношений. Можно предположить, что имеет место защитный механизм гиперкомпенсации ущербности реальных отношений с родителями. Таким образом, социальная сеть подростков из «приюта» сужена, представлена членами семьи, что говорит о высокой значимости этих отношений для подростков.

В пятой главе второй части работы представлено исследование объектных репрезентаций у подростков из социально неблагополучных семей, а именно: 1) их представления о дружеских отношениях и 2) образы родителей.

Надо отметить, что отличительной чертой описаний дружеских отношений подростками, как из группы «приют», так и из группы «специальная школа» является упоминание желаемых, а не реальных дружеских отношений. То есть эти подростки описывают, каким должен быть друг и что они ожидают от него, в меньшей степени они опираются на реальный опыт отношений.

Контент-анализ текста сочинений показал, что образ дружеских отношений подростков из «массовой школы» является более дифференцированным, ими осознается больше аспектов отношений, происходит смена эгоцентрической позиции в отношениях, чаще упоминается взаимный характер отношений.

Амбивалентный характер представлений о дружбе у подростков из неблагополучных семей выражен в особых типах высказываний, которые не встречаются среди высказываний подростков из «массовых школ». Подростки из «спецшколы», с одной стороны, ожидают, что друг «всегда во всем ему поможет», но, с другой стороны, «никому, в том числе друзьям, нельзя доверять». Одной из причин такого рода противоречия является стыд за проблемы в родительской семье, в результате чего отношения с друзьями становятся менее доверительными и более поверхностными. Подростки из «приюта» отмечают, что «перестали доверять людям» и у них «нет лучшего друга», но при этом отмечают обиду на старых друзей, оставшихся за

пределами приюта - «обижает, когда друзья не приезжают, кидают, забывают и не звонят». У воспитанников приюта фрустрирована потребность в доверительности и надежности социальных связей.

Как показал анализ результатов, подростки из группы «специальная школа» испытывали большие затруднения в описании «портрета родителей». Качества, выделенные подростками из группы «специальная школа», дают менее дифференцированное представление о родителях, чем качества, выделенные подростками из группы «массовая школа». Так, отмечается более частое использование определения «хороший», при этом не поясняется, что подразумевается под этим качеством.

Результаты исследования разрыва между образом реального и идеального родителя представлены в таблице 2.

Таблица 2. Показатели уровня разрыва реальных и идеальных родительских репрезентаций у подростков из группы «специальная школа» и у подростков из группы «массовая школа» (Методика Расщепленности родительских репрезентаций, Е.В.Полкуновой, А.Б.Холмогоровой).

Группы подростков Репрезентации	«специальная школа» M (SD)	«массовая школа» M(SD)	Уровень значимости (критерий Манна-Уитни)
мать	N=34 0,7 (0,77)	N=51 0,33 (0,36)	0,039*
отец	N=20 0,72 (0,8)	N=51 0,35 (0,34)	0,102

M – среднее значение

SD – стандартное отклонение

* при $p < 0,05$ (критерий Манна-Уитни)

Как видно из таблицы 2, группу подростков из «специальной школы» отличает более выраженный разрыв репрезентаций реальной и идеальной матери от группы подростков из «массовой школы». Для данной группы индексы разрыва объектных репрезентаций (РОР) реальной и идеальной матери статистически значимо выше, чем в контрольной группе. Полученный результат объясняет высокую болезненность для подростков из «специальной школы» темы родителей, а особенно отношений с матерью.

Наиболее часто встречаются у подростков обеих групп такие родительские качества: заботливый, добрый, помогающий, понимающий, любящий, умный. Подростки из «спецшколы», так же как и их сверстники, отмечают полное соответствие качеств «любящие», «умные» качествам своих

родителей. При этом, другие качества, такие, как «помогающий», «уделяющий внимание ребенку», «не наказывающий без причины» подростки из «спецшколы» в отличие от своих сверстников из «массовых школ» отмечают как несоответствующие реальным качествам родителей. Несовпадение реального образа родителя некоторым характеристикам идеального образа (не пьет, не бьет) свидетельствует о противоречивости образа и преимущественно защитном характере позитивных характеристик реального родителя у подростков с девиантным поведением.

У подростков из «спецшколы» выявлено преобладание описаний идеальных качеств через негативные формулировки: «не жестокий», «не грубый» и т.д., которые относятся в графу «мало соответствует» качествам реального родителя. Эти подростки показали, каким не должен быть идеальный родитель, у этих подростков имеет место дефицитарная - в плане позитивных характеристик - модель родительского поведения. У подростков из «массовых школ» эти характеристики идеального родителя более дифференцированы и носят позитивный характер: «родитель должен быть строгим, но считаться с мнением ребенка», «должен проявлять терпимость к выходкам ребенка».

По этическим соображениям нами не проводилось специального исследования родительских репрезентаций у подростков из «приюта», но результаты, полученные из анализа данных по социальной сети, говорят о нереалистичности восприятия родителей этими подростками, как поддерживающих фигур, что согласуется с данными других исследований (Г.М.Милорадова, 2007).

Нереалистичный, противоречивый и малодифференцированный характер образов других людей у подростков из неблагополучных семей может служить серьезным препятствием к построению конструктивных отношений с людьми в настоящей и будущей жизни, лишая их необходимого источника социальной поддержки. Коррекция представлений о дружеских отношениях, деликатная проработка семейного травматического опыта как источника этих трудностей являются важными задачами психологической помощи подросткам из неблагополучных семей.

Анализ образа себя у подростков трех групп проводился на основе шкалы «негативная самооценка», включенной в опросник детской депрессии М.Ковача, а также с помощью шкалы «страх отвержения» опросника мотивации общения А.Меграбяна, которая описывает самоэффективность в общении. Выявлено, что подростки из неблагополучных семей отличаются от своих сверстников из благополучных семей значимо более низким показателем самоэффективности в общении. При этом подростки из «приюта» характеризуются более высокими значениями негативной самооценки, чем их сверстники из «массовой школы» и сверстники из «спецшколы». Таким образом, для подростков-социальных сирот характерен негативный образ себя, который выражается в значимо более высоких показателях негативной самооценки и страха отвержения по сравнению с подростками из благополучных семей. У подростков с девиантным поведением – ожидание отвержения в ситуации общения не сопровождается повышением значения показателя негативной самооценки. Таким образом, открытая агрессия, свойственная этим подросткам, получает объяснение как результат восприятия окружающих людей как несправедливых и враждебных.

Также в **пятой главе** приводится исследование эмоциональных нарушений подростков (опросник детской депрессии М.Ковача).

Выявлено, что «группа риска» по депрессивным расстройствам (подростки, набравшие 61 балл и выше по опроснику) подростков из «приюта» превышает в три раза «группу риска» как подростков из «массовых школ», так и подростков из «специальных школ». Количество благополучных подростков из «приюта» (с наименьшей степенью выраженности признаков депрессии – менее 44 баллов) меньше в три раза, чем в других группах. Признаки депрессии у подростков из «приюта» в сравнении с подростками из «массовых школ» значительно более выражены по параметрам: «негативное настроение» (54,3 и 49,3, соответственно, $p < 0.05$), «неэффективность» (56,4 и 51,1, соответственно, $p < 0.05$), «ангедония» (52,5 и 48, соответственно, $p < 0.05$), «негативная самооценка» (57,5 и 49,5, соответственно, $p < 0.001$) и общий показатель депрессии (58 и 50,8, соответственно, $p < 0.001$). Также выявлены

значимые отличия по выраженности депрессии между подростками из «приюта» и подростками из «спецшколы» по параметрам «негативное настроение» (54,3 и 49,6, соответственно, $p < 0.05$), «неэффективность» (56,4 и 51,9, соответственно, $p < 0.05$) «негативная самооценка» (57,5 и 51,5, соответственно, $p < 0.05$), общий показатель депрессии (58 и 51,1, соответственно, $p < 0.001$). Подростки из «спецшколы» занимают по уровню эмоционального неблагополучия промежуточное положение между подростками из «массовых школ» и подростками из «приюта». Анализ показал отсутствие значимых отличий по параметрам эмоционального неблагополучия между группой «спецшкола» и группой «массовая школа». Направленная во вне открытая агрессия, свойственная подросткам из «спецшколы», может трактоваться как одна из форм защиты от депрессивных переживаний, которые свойственны подросткам из «приюта».

Проводился *корреляционный анализ* показателей для выявления связи различных аспектов интерперсональных отношений между собой и с эмоциональным благополучием.

Показатели социальной поддержки и параметр «стремление к принятию» отрицательно коррелируют с параметрами опросника детской депрессии (от -0,25, $p < 0.05$ до -0,3, $p < 0.01$), а также параметр «страх отвержения» и индексы расщепления репрезентаций образов, как матери, так и отца положительно коррелируют с параметрами опросника детской депрессии (от 0,25, $p < 0.05$ до 0,35, $p < 0.01$).

Выявлены значимые корреляционные связи между параметрами социальной поддержки, мотивации общения, индексом родительских репрезентаций и параметром негативной самооценки (значения коэффициента корреляции варьируют от 0,2, $p < 0.05$ до 0,6, $p < 0.01$). Наиболее высокие положительные связи установлены между параметрами социальной поддержки («инструментальная поддержка», «эмоциональная поддержка», «социальная интеграция», общим баллом по социальной поддержке) и «стремлением к принятию» (от 0,2, $p < 0.05$ до 0,54, $p < 0.01$). Наиболее высокие отрицательные связи установлены между параметрами социальной поддержки

(«инструментальная поддержка», «удовлетворенность поддержкой», общим баллом по социальной поддержке) и «страхом отвержения» (от 0,24, $p < 0.05$ до 0,54, $p < 0.01$). Установлены прямые корреляционные связи между параметром негативная самооценка и индексом расщепления образа отца (несоответствие реального образа идеальному) (0,25, $p < 0.05$). Индекс расщепления образа матери прямо связан со страхом отвержения (0,23, $p < 0.05$). Индекс расщепления образа матери обратно связан с общим уровнем социальной поддержки (-0,22, $p < 0.05$). Индекс расщепления образа отца обратно связан с общим уровнем социальной поддержки (-0,27, $p < 0.05$). Выделенные аспекты интерперсональных отношений оказались связанными между собой.

В **заключении** обсуждается возможность создания альтернативной помогающей среды для подростков из неблагополучных семей в условиях приюта и специальной школы.

ВЫВОДЫ

1. Различные аспекты интерперсональных отношений (социальная сеть и социальная поддержка, репрезентации значимых людей, мотивация общения) требуют комплексного изучения.
2. Мотивация общения у подростков из социально неблагополучных семей (как социальных сирот, так и подростков с асоциальным поведением) характеризуется низкой степенью доверия к людям и выраженным страхом отвержения.
3. Характеристики социальной поддержки и социальной сети у подростков из неблагополучных семей отличаются от таковых у подростков из социально благополучных семей.
 - 3.1 Подростков с девиантным (асоциальным) поведением, обучающихся в специальных школах, отличают противоречивые показатели социальной сети и поддержки: низкие показатели удовлетворенности социальной поддержкой при достаточно высоких показателях социальной интеграции, эмоциональной и инструментальной поддержки, почти вдвое меньшее число людей в социальной сети с преобладанием сверстников из криминальной среды.

3.2. Подростки-социальные сироты, проживающие в приютах, характеризуются общим низким уровнем воспринимаемой социальной поддержки, их социальная сеть сужена и в основном состоит из членов утраченной семьи, отношения с которыми компенсаторно воспринимаются как наиболее близкие.

4. Репрезентации значимых других у подростков из социально неблагополучных семей имеют отличия от таковых у подростков из социально благополучных семей.

4.1. Представления о дружеских отношениях у подростков из специальной школы являются нереалистичными, амбивалентными и менее дифференцированными по сравнению с подростками из благополучных семей, а у подростков из приюта на первый план выступает представление об их ненадежности.

4.2. Родительские репрезентации у подростков с девиантным поведением отличаются значительно более высоким уровнем расщепленности идеальных и реальных образов по сравнению с подростками из массовых школ, выраженной противоречивостью и меньшей дифференцированностью, указаниями на отсутствие у идеального родителя деструктивных форм поведения (например, не пьет, не ругает, а объясняет и т.п.). Наиболее важными качествами идеальных родителей для подростков из благополучных семей выступает понимание и забота, а у подростков из неблагополучных семей доброта и забота при тенденции оценивать их, как присутствующие у реальных, пренебрегающих своими обязанностями родителей.

5. У подростков-социальных сирот выше уровень эмоциональной дезадаптации (в виде симптомов депрессии) по сравнению с подростками из социально благополучных семей. У подростков с девиантным (асоциальным) поведением из специальных школ не выявлены статистически значимые отличия от подростков из благополучных семей, что можно объяснить сохранением (хотя и деструктивных) семейных связей, более высоким уровнем интеграции этих подростков в асоциальную среду, которая служит источником поддержки, защитным характером агрессивного поведения.

6. Эмоциональное благополучие подростков, уровень социальной поддержки у них, качество мотивации общения, а также степень расщепления между реальным и идеальным образом родителей связаны между собой.

6.1. Имеется прямая связь между уровнем социальной поддержки, размером социальной сети и мотивом принятия и обратная корреляционная связь между уровнем социальной поддержки и страхом отвержения

6.2. Чем больше образ матери отклоняется от идеального, тем выше страх отвержения и ниже уровень воспринимаемой поддержки. Чем больше образ отца отклоняется от идеального, тем ниже самооценка подростка и уровень воспринимаемой социальной поддержки.

7. Психологическая помощь детям из неблагополучных семей должна быть организована с учетом особенностей их мотивации общения, внутренних объектных репрезентаций и особенностей социальной сети. Важными мишенями психологической помощи детям из неблагополучных семей является преодоление страха отвержения и удовлетворение мотивации принятия и потребности в социальной поддержке через создание эффективной и стабильной системы интерперсональных отношений, а также развитие более зрелых представлений об отношениях с другими людьми.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Петрова Г.А., Смирнова Н.С. Опыт доверительных отношений и социальная поддержка у детей-социальных сирот, проживающих в приюте //Аффективные и шизоаффективные расстройства. Материалы Российской конференции. - Москва, 1-3 октября, 2003 год. - С.182.
2. Смирнова Н.С. Потребность в принятии у подростков из группы риска по социальному сиротству. // Молодые ученые – московскому образованию. Материалы V городской научно-практической конференции молодых ученых и студентов учреждений высшего и среднего образования городского подчинения. - М. - 2006. - С. 245-246.
3. Смирнова Н.С., Холмогорова А.Б. Аффилитивная мотивация и социальная поддержка у подростков группы риска по социальному сиротству. // III Международный конгресс «Молодое поколение XXI века: актуальные

проблемы социально-психологического здоровья». – Казань. - 2006. - С.124-125.

4. Смирнова Н.С., Холмогорова А.Б. Межличностная (социальная) поддержка у подростков из социально неблагополучных семей. // Молодые ученые – московскому образованию. Материалы VI городской научно-практической конференции молодых ученых и студентов учреждений высшего и среднего образования городского подчинения. - М. - 2007. - С.69-70.
5. Холмогорова А.Б., Смирнова Н.С. Интерперсональные отношения подростков из социально неблагополучных семей. // Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе. Материалы первой международной научно-практической конференции. Под ред. А.Л. Журавлева, А.И. Лященко, В.Е. Иноземцевой. Изд-во «Институт психологии РАН». – М. - 2007. - С. 44-48.
6. Холмогорова А.Б., Смирнова Н.С. Интерперсональные отношения подростков из социально неблагополучных семей: состояние проблемы, методы исследования. // Дефектология. – 2007, №5. – С. 84-91.
7. Смирнова Н.С., Холмогорова А.Б. Интерперсональные отношения подростков из социально неблагополучных семей: результаты эмпирического исследования. // Дефектология. – 2007, №6. – С. 69-78.